

От обезьяны к человеку

Наступил вечер, и пришло время ложиться спать.

- Всё, зайцы, успокаивайтесь, чистите зубы – и в кровать, - сказала мама.

Интересно, почему мы зайцы? Может, мы не хотим быть зайцами!

- Я котёнок! – отвечает Оля, встает на четвереньки, трётся маме об ногу и мяукает.

- А я – поросёнок! – гордо отвечаю я и начинаю хрюкать, просто потому что это веселее, чем мяукать.

- Начинается... - вздыхает мама. – Я кому сказала – спать?

- Ты зайцам сказала! – кричу я. И радостно хрюкаю.

- Дети. Дети!

- Мы не дети вовсе, мы теперь зверята!

- Му-у-у! – мычит Оля, превратившись из котёнка во вполне себе упитанного теленка.

Правда, у телёнка Оли либо все четыре ноги, либо только две ноги, но зато рога, одно из двух, потому что рожки Оля ставит себе указательными пальцами. Недоделанный какой-то телёнок, но мычит довольно звонко.

- Я сейчас в крокодила превращусь! – грозит мама. - И всех непослушных детей и зверей съем!

- Ну-ка, ну-ка, превратись-ка! – отвечаю я и запрыгиваю на спортивный комплекс. Я качаюсь на перекладине, а потом на канате, а потом залезаю на самый верх по лестнице, и вот я уже не поросёнок, конечно, поросята особой ловкостью не отличаются, а самая настоящая обезьяна.

- Я обезьяна!!! – кричу я. – Ху-ху, ха-ха! Не достанешь меня, крокодил!

- За хвост сейчас схвачу тебя, обезьяна! – обещает крокодил и жадно щёлкает пастью.

- А у меня нет хвоста!

- Что же ты за обезьяна такая без хвоста? – спрашивает крокодил маминым голосом.

- Вот такая обезьяна, человекообразная!

- И я, и я! – залезает ко мне Оля. – Я тоже человекообразная обезьяна!

И мы ухаем и раскачиваемся, дразня беспомощного крокодила.

- Человекобезобразные вы обезьяны, - обижается мама. – Я вам – спать, а вы – «ху-ху, ха-ха». Гляди, у нас завелся новый вид обезьян – человекобезобразные. Вот перед нами типичные представители, - показывает она папе.

- Хм, сейчас ускорим эволюционный процесс, - говорит папа.

Я решил сам его ускорить, потому что папа шутить долго не будет. Это мама может долго шутить, а папа один раз пошутил – и всё, шутки кончились. Видимо, у папы весьма ограниченный запас шуток. Папа – серьезный тип. Так что я слез с лианы – ну, вы поняли, с каната, - взял в руки палку, то есть зубную щётку, и отправился в ванную эволюционировать в нормального человека с чистыми зубами. Сестра пошла за мной. Маленькая, а как-то сразу поняла, что человек – венец природы.

Пищевая цепочка.

Олька у меня очень смешная. Сначала я думал, что это с возрастом пройдет, но теперь сомневаюсь. С папой советовался, папа украдкой почему-то на маму посмотрел и шепнул: «Не надейся, не пройдет».

Когда я учил её в шахматы играть – ей года три было, казалось бы, уже взрослый серьезный человек – она ничего не понимала. Я ей объяснял, что надо ходить – она пошла ходить. По комнате! Ладно, кое-как усадил её, показал, сделал за неё несколько ходов.

- А теперь, - говорю, - ешь.

Глаза круглые сделала:

- Кого есть?

- Меня.

- Ка-ак?!! Я же тебя не съем!

- Тьфу ты, - смеюсь. – Шахматы мои ешь!

Знаете, что потом? Взяла фигуру с доски, в руках повертела и спросила: «А они шоколадные?» Какая уж игра после этого, я полчаса хохотал, остановиться не мог. Ну да ладно, это давно было. Целых два года назад.

Теперь ей всегда интересно, что я учу, о чем я читаю. Сядет рядом – и давай спрашивать, в учебник пальчиком тыкать.

- Максим, а это что?

- Это, Оля, пищевая цепочка. Видишь, лягушка ест кузнечика, змея ест лягушку, а хищная птица ест змею. Или вот мышь ест гусеницу, гадюка ест мышь, ежик ест гадюку, а лиса ест ёжика.

- Не надо ёжика! – кричит Оля. – Ёжики хорошие!

О-ох, как будто все остальные плохие.

- Это, - строго отвечаю я Оле, - закон природы. Ничего не попишешь.

Расстроилась Оля из-за ёжика, пошла плакать. Она больше всего любит две вещи – смеяться и плакать. А мне ещё надо было придумать три пищевые цепочки. Две придумал, а третья ну никак в голову не приходит! Сижу, карандаш грызу, в окно смотрю. Как обычно, в общем.

Тут Оля возвращается, уже не плачет, во рту шоколадка. Шоколад она, пожалуй, любит даже больше, чем плакать и смеяться, или примерно так же. И опять за своё:

- Максим, а это что?

- Это я придумываю пищевые цепочки. Две придумал. Ещё одну надо.

Оля пальцы облизывает, задумалась тоже.

- Максим, а девочка ест шоколад – это пищевая цепочка?

- Нет! Это звено пищевой цепи. А вот Баба Яга ест девочку, которая ест шоколадку – это уже пищевая цепочка!

Учительница подчеркнула мой ответ красной ручкой. То ли из-за того, что надо было составить цепь из четырех звеньев, а мы так и не придумали, кто же съест Бабу Ягу, то ли уж пошутить нельзя.

Самостоятельный самолёт.

Вот скажите мне, что нужнее – какая-то самостоятельная по математике или самолёт?

Вот и я думал, что самолёт...

Дело было так. Весна. Небо голубое, солнце светит, птички за окном поют. Ну, всё прямо как в учебнике по литературе у всяких поэтов. Сердце радуется! Но так ведь нельзя, чтобы сердце без остановки радовалось. Это почему-то взрослых не устраивает. Поэтому первые два урока – литературу как раз и ИЗО, где мы березу рисовали, – оно радовалось, а на третьем, как гром среди ясного неба: «Достаем листочки, пишем самостоятельную».

Если я в тот момент и думал о листочках, то только о тех, что на березе распускаться начали неделю назад. (Уже почти распустились, кстати). И вот так вот мгновенно переключиться с одних листочков на другие у меня не выходит. Это ведь как нарочно – два урока тебя призывают думать о листочках – стихи тебе читают, краски выдают – а потом бац! – и математика. Будто специально тебя с толку сбивают.

Но не на того напали! Меня так просто с толку не собьешь. Я уж если начал о чем-то думать – так не закончу, пока не додумаю. Поэтому к самостоятельной я приступил только под конец урока и сделать успел лишь два задания. А что толку сдавать два задания из пяти? Хоть сдавай, хоть не сдавай – получишь всё равно... два из пяти... Так я решил, вздохнул, засунул листок в портфель и забыл о нём.

Вечером Олька вернулась из садика и стала, как обычно, вокруг меня крутиться. Видите ли, ей скучно. А что человек сидит и трёхзначные числа перемножает, её не волнует! «Поиграй со мной», - и всё тут! Я бы поиграл, что мне, жалко что ли, но придёт папа, и о чём папа меня спросит? Ни разу папа не спросил меня: «Максим, а ты поиграл с сестрой?». Ни разу. Каждый раз он спрашивает так: «Максим, ты выучил уроки?». Хоть разорвись тут между играми и уроками!

Мама ужин готовит, Олька вокруг меня скачет, я пытаюсь столбиком умножать. И тут я придумал.

- Хочешь, - говорю, - самолётик тебе сделаю? Будешь его кидать, пока не научишься, чтобы он до той стены долетал!

- Да-да-да! – обрадовалась Оля. – Хочу самолётик!

- Давай мне листок.

- У меня нету листка... - отвечает.

- Да вот же валяется у тебя на столе! – показываю я ей.

- Это не листок! Это картина! – возмущается Оля.

- Это не картина, это каля-маля, - говорю я.

- Сам ты каля-маля! – обижается Оля. – Это я с мамой в парке, просто я ещё не дорисовала!

Надоело мне обсуждать олькино творчество, я заглянул в свой портфель и нашел ненужный листок. Сделал Ольке самолёт, и она так долго старалась добросить его до стены, что я успел все уроки выучить. Сработало, в общем.

На следующий день, как только мама вернулась с работы, она села и стала на меня смотреть. Она так иногда, знаете, садится – и начинает смотреть. Ужас. Но я каждый раз надеюсь, что как-то обойдется, поэтому я смело так на неё смотрю и жду.

- Ну, - говорит, - рассказывай.

- Что? - спрашиваю я.

- А ты не понимаешь?

- Не понимаю, - говорю я, хотя, кажется, я понимаю.

- За что «двойка» по математике?

Я голову вниз опустил и бормочу:

- За самостоятельную...

- И где эта самостоятельная?

- Улетела... - шепчу я.

Мама смотрит на меня ещё сильнее и каждое слово выговаривает:

- Как. Это. Улетела?!

- Я из неё самолётик сделал... Для Оли...

- Максим! У тебя на полке десять тетрадей для черновиков! Делай хоть ракету на ядерном топливе! Ты почему самостоятельную не сдал?!

Дальше я не буду рассказывать, потому что вы и так всё понимаете. Почему я не сдал, да почему не написал, да причём здесь птички, да какие ещё берёзы... Пока я всё объяснил – уже стемнело. И птицы все смолкли. В темноте и тишине я и переписывал самостоятельную по математике. Я очень быстро её решил, потому что никаких деревьев за окном уже не было видно, да и Олька меня не отвлекала – весь вечер кидала самолётик с задачами про ящики апельсинов, а ночью даже под подушку его положила. Папа проверил и сказал: «Сдать завтра не забудь, авиаконструктор ты наш!». А я, собирая портфель, поглядел на звезды и подумал: «Скорей бы лето! Я столько из тетрадей наделаю самолетиков – на всех друзей хватит!»

Гора самоцветов

Оля узнала новое слово – коллекция. Счастье-то какое. Она ко мне как-то подошла и говорит: «Я не знаю, что такое «коллекция». Я ей рассказал. Я много всяких умных слов знаю. Знал бы я ещё, чем это обернётся.

На следующий вечер карманы олинго пальто подозрительно оттопыривались. Сразу оба и очень заметно. Когда Оля шла, в карманах что-то шуршало и стучало.

Вернувшись домой, Олька вывернула свои карманы и высыпала на пол кучу камней.

- Вот, - заявила она. – Я буду собирать коллекцию камней.

- Э-э-э... - сказала мама.

- Надо придумать, где их хранить! – продолжила Оля.

- Э-э-э... - сказала мама. – А большая у тебя коллекция будет?

- Огромная! – уверенно кивнула сестра.

За дело она взялась с энтузиазмом. Дня не проходило, чтобы она не принесла с прогулки какие-то камни – иногда один-два, а иногда три горсти.

- Это мне все ребята в садике помогали! – радостно объясняла Оля.

Воспитатели были в восторге. На прогулке дети из олингой группы не носились больше по площадке, сбивая друг друга с ног, а полтора часа увлеченно выковыривали из земли

камешки. И отдавали Оле. Об этом воспитательница рассказала маме, когда мы забирали Ольку из садика. Мама вздохнула и ответила только «э-э-э...»

Когда доверху наполнилась третья коробка из-под обуви, мама наконец перестала говорить «э-э-э» и решила как-то более конкретно сформулировать свои мысли.

- Оля, - начала мама. – Собирать коллекцию – это очень интересное занятие...

- Точно! – поддержала Оля и убежала в прихожую. Вернулась она оттуда с пригоршней камней разной формы и величины. – Смотрите, это мы сегодня нашли!

- Понимаешь, Оля, - стал я помогать маме (видно же, что сама она не справляется), - в коллекции должны быть какие-то особенные вещи. Какие-то необычные.

- Понимаю, конечно,- говорит мне на это Оля. – Так у меня все необычные. Обычные я не беру.

Я притащил три коробки и стал доставать из них камни.

- Ну, камень как камень, тысяча таких валяется. Чем он необычный? – спрашиваю.

- А вот тут, гляди, такая трещинка – на молнию похожа.

- А этот?

- А этот, если вот так повернуть, по форме, как матрёшка.

- Ну а этот?

- Да ты посмотри только! Он весь серый, а сбоку – вот, вот, смотри – маленькое коричневое пятнышко!

И так один за одним. Нельзя сказать, что я добился успеха. В середине второй коробки мне надоело, я пошел к себе в комнату, Оля с мамой продолжила свою горе-коллекцию разбирать. Я так и не дождался, чем там у них дело кончилось.

А ещё через пару недель папа полез на балкон за насосом, чтобы колёса моего велосипеда подкачать, и обнаружил там башню из нескольких коробок с камнями. Он схватил верхнюю коробку и влетел с ней в нашу комнату.

- Оля! – безо всяких там «э-э-э» сказал папа. – Что за склад минералов у нас на балконе?! Так скоро вся квартира будет твоими камнями завалена. Выбери штук десять, которые тебе нравятся больше всего, а остальные... ликвидируем.

Вот папа молодец. Давно бы так! Он поставил коробку перед Олей и открыл крышку – давай, мол, выбирай, да побыстрее. Нам ещё с велосипедом разбираться.

- Во-первых, - сказала Оля, - я не знаю, что такое «ликвидировать». А во-вторых, это не моя коробка. Это мамина.

Анна Перевезенцева 10.06.1985 г.р. Нижний Новгород

+7(903) 054-61-54 meandr85@list.ru